

О близком друге и настоящем профессионале

*Алим Байгарин,
звукорежиссер,
г. Алматы, Казахстан.*

Отслужив в армии, я закончил в Ленинграде институт киноинженеров. На «Казахфильм» меня не взяли: очень большая была конкуренция – много желающих стать звукооператорами. «Поработай инженером лет пять. Мы подумаем: принимать ли тебя на студию?» – говорило начальство. Инженером? Отвечать только за технику? У меня к тому времени было два образования – музыкальное и высшее техническое. Специализация – звукорежиссер! Так в 1972 году я оказался на «Казахтелефильме».

С Вячеславом Алиевичем Беляловым меня познакомил друг (сейчас он живет в США, в Бостоне), замечательный казахстанский композитор Эдуард Леонидович Богушевский. При первой же встрече Белялов сказал: «Не будем обращаться друг к другу на «вы». Можно просто: Слава». И очень скоро он стал для меня близким человеком.

В те годы я работал внештатным сотрудником на всесоюзной фирме «Мелодия». Богушевский настоял, чтобы мы записали музыку к фильму, который снимал Слава. Это было внове – записывать для документальной ленты специально сочиненную музыку. Пришлось пробивать стену нежелания руководства.

На студии грамзаписи была возможность сделать все бесплатно. Как? Приглашались музыканты, им какой-то гонорар из своих денег выплачивал

**Алим Байгарин.
Фото Н. Берковой,
2010 год**

Эдуард Богушевский, какой-то выбивал администратор фильма: бюджет картины, как правило, не предполагал оплату труда музыкантов. Для заказного фильма требовалось к тому же распоряжение Москвы.

Так сначала мы записали музыку, потом – шумы. И фильм преобразился. Я понял механизм этого преобразования. Черепаха ползает: ее не слышно. Бабочка сидит на цветке, потом взлетает. И ее не слышно. Маленькие легкие добавления шумов в картину оживляют фильм! Это был первый урок, который я получил, работая со Славой. Естественные звуки помогают создать более цельный образ природы.

Второй урок – необходимо точно подбирать или синхронно записывать шумы. Звуки шагов у животных самые разные: одни – скачут по камням, другие – несутся по пустыне, третьи – прыгают по скалам, скажем, сайгаки бегут по степи, где цветет ковыль и т.д.

При производстве документального кино к оператору прикреплялся только техник по звуку*. В большинстве случаев кино съемки проходили без участия звукооператора. Поэтому многие фильмы создавались так: есть хорошие картинки, потом из фонотеки подбираются стандартные шумы, их подставляют под изображение и готово. На моей памяти в фильмах выпуска 1975-1986 годов эпизодов, сделанных методом синхронного озвучивания, немного. Так же и с музыкой. Ее обычно компилировали, подбирая мелодию, соответствующую содержанию картины.

Постепенно у нас сложилась команда и выработался собственный почерк работы. А команда играет большую роль в создании фильма. В документальном, научно-популярном кино – это режиссер, оператор, композитор. В художественном кино, в первую очередь, – сценарист, режиссер-постановщик. На студии нам завидовали, прямо так и говорили: вот у вас команда! Конечно, когда сотрудничество длится десятилетиями, все работают вместе, тогда и кинопродукт получается качественным.

Лидерами в нашей четверке, безусловно, были сценарист Лариса Мухамедгалиева и Эдуард Богушевский. Нередко они вступали в жестокие «схватки». Нужна ли музыка в этом месте или не нужна? Обычная рабочая обстановка, в спорах рождалась истина, и мы приходили к консенсусу. Бывало, для какой-то сцены, длинного плана, продолжительного кадра Эдик сочинял целый музыкальный фрагмент, потом обращался ко мне, и я специально записывал музыку к рабочему материалу. За годы работы у меня сложился большой архив записей Эдуарда Богушевского. Если что-то сокращалось, он настаивал: «Уберите эту болтологию, говорильню!» Помните правило опытного диктора: дайте мне воздуха, люди и так поймут... Тексты за кадром читали очень известные актеры – Михаил Глузский, Александр Белявский, диктор – Геннадий Марюхин.

Вячеслав Алиевич прекрасно знал природу и никогда не допускал звучания в фильме произвольно взятых «шумов». Он требовал, чтобы я записывал,

* Техник по звуку (звукотехник) – младший технический персонал, в его задачи входит обслуживание аппаратуры: магнитофонов, микрофонов, пультов для записи.

Звукооператор в советское время – то же, что и звукорежиссер ныне. Творческий работник, который выстраивает концепцию звуковой драматургии.

например, голоса птиц того региона, где проходили съемки. Под Алма-Атой водятся сплюшки. Услышишь в фильме, возможно, не сразу поймешь, что за птица звуки подает, если сам не знаешь... Характерное для них «сплю-сплю» можно услышать в определенных местах Заилийского Алатау, например, на Медео.

Меняется тип гор, высота, летает, допустим, орел, у него своя среда обитания. Значит, поблизости должны быть кеклики, улары... Должны звучать их голоса. Белялов специально знакомил меня с орнитологами. Они говорили: «Свыше двух тысяч метров водятся такие-то птички, ниже – вот такие. Кеклики, улары высоко в горах, там, где камни, а вездесущие вороны долетают и до снежных вершин». В этом я убедился сам и был приятно удивлен. На Алматинском озере – обилие ворон! Для них высота не имеет значения.

Как-то я увидел Славу очень худым и спросил, в чем причина. Слава и так всю жизнь был худенький, поджарый, довольно хрупкий. «Что ты хочешь?! – ответил он. – Три месяца питался хлебом, яблоками, пил воду. Только иногда отлучался, чтобы пополнить продуктовый запас...» И он рассказал захватывающую историю, как ему трудно пришлось, когда он снимал беркутов. Тогда я в полной мере оценил сложность операторской профессии. Ему даже приходилось брать пачку пластиковых пакетов, чтобы использовать их в качестве туалета. Потом аккуратно завязывать и со скалы далек-о-о-далеко сбрасывать. Нельзя справлять нужду рядом с гнездом. Ничего нельзя выбрасывать поблизости! Чужеродных запахов не должно быть! Иначе беркуты проклевывают яйца и покидают насиженное место...

Фанатизм и любовь! Он снял цельный сюжет: с момента, когда птенец вылупился из яйца, до его вылета из гнезда. Можно увидеть все: как он растет, как по очереди его кормят родители. Великолепна сцена в финале: подросший птенец проверяет свои крылья, машет, машет ими изо дня в день, тренируя мышцы. И в один прекрасный момент мамаша видит, что он готов, и мощным ударом крыла отправляет его в полет. После этого они больше не встретятся. Беркут начинает собственную жизнь.

Слава не любил вспоминать, как попадал в рискованные ситуации! Но пару историй все-таки рассказал. Хотел отснять волка и долго шел за ним по пятам. Волк постоянно оглядывался, пока, наконец, они не оказались в узкой скалистой расщелине. Дальше идти было некуда, и зверь уже приготовился к нападению, хотя обычно животные не нападают. Тут пришлось тихо-мирно ретироваться оператору, чтобы спастись.

И еще эпизод... Скрадок у него был хотя и брезентовый, но в нем тепло. Скрадок – это палатка, похожая на юрту, из алюминиевых прутьев, размером 1,5 м на 1,5 м, обтянутая брезентом с окошками для кинокамеры. Оттуда оператор обозревает окрестности, наблюдает за жизнью природы. На воздухе температура минус 25-30 градусов, вьюга, ветер. А в палатке керосинка, запас топлива, продукты. Иной раз и рубаху снимал, в одной майке оставался. Его в таком виде чабан местный застал и очень удивился. Слава рассказывал: «Как-то во время зимних съемок просыпаюсь утром, смотрю: вокруг палатки целая карусель волчьих следов. Еду почуяли». Всю ночь пасли Славу... А он ведь

оружия не брал с собой. Вот такие опасные моменты были в его операторской судьбе...

Да и на мою долю как-то досталось на художественном фильме о снежном барсе – «Тигр снегов». Слава предупредил: «Я не смогу записать звуки, которые издает зверь. Придется тебе пойти в зоопарк, там поможет зритель». Зашли мы в вольеру, поставили аппаратуру. Впустили барса, а самку оставили за решеткой. Он начал тосковать по ней, пищать.

Ты находишься в клетке, а зверь ходит мимо – чувство довольно неприятное, хотя зритель караулит с шестом. Но записать звук практически невозможно – доносится шум города. Я уловил, какой звук он подает, и сымитировал его. Сейчас вы услышите, это один в один! (Алим Каримович издает писк, короткими порциями пропуская воздух через растянутые и плотно сомкнутые губы). Ни рык, ни х-х-х! Слава слышал этот писк. Я ему ничего не сказал, просто сделал запись разного уровня – высокий, низкий. А рычание барса пришлось записывать, когда у него глаза заболели. Ему накинули петли на лапы и на шею и стали подтягивать к решетке, чтобы ветеринар смог залить в глаза лекарство. В этот момент я и записал гневное рычание зверя. Меня поразило, как он сопротивлялся, какая у него мощь и сила. Когда его тянули, он дернулся, и в бетонном полу появились трещины! Конечно, страх неопишуемый, один рывок, и цементная основа дала трещину. Это произвело впечатление.

Слава был очень щепетильным в работе. Добивался того же от меня. Говорил: «Ты думаешь – пройдет кадр, проскочит, зритель не заметит. Нет, не пройдет!» Я сам такой же по складу характера дотошный в работе. Но учился у него и с ним, как правильно работать на природе, с природой. Приобрел большой опыт, который пригодился в игровом кино. Шумов типа «воробьи» никогда не допускал. Записывал городские звуки или звуки природы конкретного региона, соответствующего месту съемки. Такие шумы органично вписываются в видеоряд. На фильме «Биржан-сал» я в очередной раз убедился, как нелегко сделать запись. Расположился в лесу, стал записывать абсолютную тишину, только через час птицы начали между собой «разговаривать». Когда сидишь тихо, не делаешь резких движений, они перестают тревожиться, поскольку подозрительный объект не движется.

Для полнометражной ленты «Вечная зовущая природа» Слава поручил мне записать голоса колонии бакланов и пеликанов. С трудом получили магнитофон «Награ». Работать надо было в районе Капчагая, на Или. Птицы селятся подальше от людей. Белялов знал, как подойти к этой колонии. А там надо засесть, затаиться в скрадке. Пробрались мы на островок, и он оставил меня со всеми пожитками. Я старательно записывал шумы. Ночные звуки записал... Часов пять получилось. Не забывайте, это на магнитофонной ленте! Это очень много – пять-шесть часов шумов! Довольный...

Слава вывел меня по особой тропинке через болото. Там нужно именно выводить. По неловкости я чуть не утопил «Нагру». Случайно в сторону ступил, не как надо было – след в след, и оказался по горло в воде. Едва успел магнитофон поднять над головой. Радостный, думаю, сделал свою работу. Стали мы прослушивать. Слава говорит: «Это встревоженная колония

бакланов». Второй час, снова встревоженные голоса. Бакланы вообще-то птицы беспечные, охраняют их аисты. Аисты оглядываются и следят, обзор у них практически 360 градусов. Стоит мне поднять окошечко в скрадке для микрофона, чтобы записать крики птенца, тут же гвалт! Птицы летают, кормят свое потомство, но как только увидят, что выдвигается микрофон-пушка, мгновенно – шум, паника...

В общем, выбрал Слава три-четыре полезные минуты из шестичасовой моей записи. Он все время сокрушался, что мало магнитофонов: какими прекрасными шумами можно было бы пополнить фонотеку! Сейчас-то это не проблема, есть цифровые диктофоны, портативная система звукозаписи. Хотя культура звукозаписи требует такой же тщательности, как и съемки животных. Вячеслав Алиевич мне рассказывал: «Поставишь скрадок в укромном месте. Животные сначала затихают, а потом начинают медленно привыкать к присутствию человека. Принимают его за дружественное животное: будто корова приходила, попаслась и ушла».

Вячеслав Белялов с Ларисой Мухамедгалиевой, как правило, снимали заказные фильмы об эндемиках, об исчезающих видах животных. Как-то снимали картину о сайгаках. Так и назывался этот сюжет – «Сайгаки». Когда-то миллионы их бродили по казахстанским степям... Фильм о джунгарском тритоне... Все высокого класса и сделаны с большой любовью.

Исходный материал отвозили в Москву, где изготавливались копии. Фильмы печатались на 16-мм пленке для показа на проекционном аппарате «Украина» и на 35-мм пленке. Это значит – в любом уголке Советского Союза их могли увидеть зрители: на полевых станах, в чабанских отгонных хозяйствах. Во всех больших городах были кинотеатры для демонстрации фильмов на 35-мм пленке.

Ленты Белялова и Мухамедгалиевой приносили стране валюту. Абсолютно все фильмы уходили на экспорт. Особенно везло мне... Обычно следовало указание: печатай копию звука – отдельно, фильм пойдет за границу. Занимался этим «Совэкспортфильм», информация была недоступна, куда, в какие страны продавали, мы не знали. Скорее всего, это делалось по заказу ВВС. Мы получали за это дополнительные гонорары.

С распадом Союза отношение к природоохранной тематике изменилось кардинально. Из-за экономического спада резко сократилось производство фильмов. Мы все реже и реже работали вместе.

Некоторое время, оценив красоту казахской земли, зачастили заказчики, продюсеры из ВВС. Встречались с Беляловым, тот возил, показывал, помогал киногруппе, получал какую-то плату, хотя они должны были гораздо больше ему платить.

Последний раз мы виделись в 2003 или 2004 году. Оказались членами одного жюри на фестивале туристических фильмов, организатором которого выступил крупный бизнесмен. Выдали нам визитки. Белялов протягивает мне свою – возьми! А там написано «Вячеслав Алимович». У меня всё правильно. Мы с ним по этому поводу чокнулись...